

ЯЗЫК

С.А. Королёв

ЛОРД ГЕНРИ УОТТОН – СКРЫТЫЙ ДЬЯВОЛ В РОМАНЕ О. УАЙЛЬДА «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ»

Аннотация. Статья посвящена реконструкции лексикона школьников 50–60-х гг. XX в. Автор соотносит словесные ряды, отражающие живую речь этого периода, с лексикографическими опытами Н.В. Гоголя. Ориентируясь на практики великого писателя и отчасти заимствуя его методы, автор пытается выстроить свои ряды «словечек», отражающих определённую эпоху. При этом он вполне разделяет гоголевское ощущение сверхважности языковой формы и значимости звучащего слова, далеко не всегда зависящей от его смыслов и содержания дискурса. Автор опирается на известные заметки Н.В. Гоголя («Лексикон малороссийский», «Материалы для словаря русского языка», словники из записных книжек 1840-х годов) и их интерпретацию в работах В.А. Подороги. В частности, используется присущий Подороге подход к литературе как к историческому материалу и связанный с этим подходом метод включенного наблюдения.

Автор отмечает, что в подростковом лексиконе указанного периода, этом «языке словечек», проявилась присущая обыденному языку ситуационность: масса слов и выражений, бытовавших в 50–60-х гг., выросла из конкретных жизненных обстоятельств. В статье отмечается определённая связь рассматриваемого «социолекта» с общественной атмосферой указанного выше периода; при этом констатируется, что связь эта носит весьма косвенный и опосредованный характер.

Ключевые слова: язык, литература, жаргон, словник, социолект, включенное наблюдение, повседневность, артефакт, Гоголь, Подорога.

Оправной точкой для написания этого текста явилось переоткрытие заметок Н.В. Гоголя по русскому языку, прежде всего «Лексикона малороссийского» из «Книги всякой всячины» (вторая половина 1820-х – начало 1830-х гг.), использованного в ранних произведениях писателя, «Материалов для словаря русского языка» (1848–1851 гг.) и словников из записных книжек 40-х годов. Эти же фрагменты из нелитературных работ Гоголя стали для автора и образцом формы репрезентации материала.

В свою очередь, импульсом для обращения к этим весьма специфическим и скорее лексикологическим, чем литературным текстам великого писателя стало внимательное прочтение соответствующего фрагмента из первого тома работы В.А. Подороги «Мимесис»: «Словечки. Аграмматизм, или изобретение языка»¹. Что же касается моти-

вации обращения к гоголевским страницам «Мимесиса», то оно было связано с поставленной в последней книге Подороги проблемой включенного и исключенного наблюдения² и возникшей в связи с этим у автора этих заметок вопроса: в какой мере индивидуальный опыт исследователя, в том числе и впечатления, сконденсированные в текстах мемуарного характера или даже не в текстах, а в памяти исследователя, могут интерпретироваться как своеобразный продукт включенного наблюдения? И в частности, насколько могут рассматриваться в качестве подобного продукта наблюдения за языком? Первичным, предварительным ответом на этот очень непростой вопрос может стать попытка написать научный текст на основе неких реминисценций, которые трансформированы волей и сознанием исследователя в материал включенного наблюдения, то есть по мере возможности объективированы.

¹ Подорога В.А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. Т. 1. Н. Гоголь, Ф. Достоевский. М.: Культурная революция; Логос; Logos-altera, 2006. С. 61–69.

² Подорога В. Антропограммы. Опыт самокритики. М.: Логос, 2014. С. 18–28.

1. Другая литература, другой язык

Язык словечек – понятие, введенное В.А. Подорогой³. Он замечает, что «нахождение подобных словечек – это открытие особо звучащей реальности, которая, кстати, только ими и может представлена»⁴.

«Словечки» – это не только эманация индивидуальности автора, но знаки реальности, один из параметров атмосферы того или иного общества. Но прежде всего это относительно автономные и от автора, и от реальности «элементы» живого языка.

Гоголь изучал, систематизировал и конструировал язык. Подорога связывает эту работу писателя с процессом поиска *другого языка* как средства создания *другой литературы*. Другая литература противостоит литературе великого имперского языка. Есть великая имперская и другая (малая) литература. Соответственно, существует имперский язык литературы – и малый язык литературы⁵. Пожалуй, именно Подорога открыл литературу как исторический материал, подлежащий, в числе прочего, включенному или исключенному наблюдению.

Гоголь искал средства воспроизводства и оживления языка в уже существующих рядом с ним лексических слоях. Он выступал в качестве собирателя слов, выстраивал бесконечные колонки *словечек*; это в первую очередь слова найденные, извлеченные из толщи малороссийского и иных, российских, диалектов (хотя, возможно, точнее говорить не о диалектах, а, как А. Белый, о местных великорусских говорах⁶).

Гоголь использовал ряды слов там, где, казалось бы, достаточно одного обобщающего слова или понятия. Он нанизывает один на другой глаголы, он выстраивает ряды имен и фамилий, он не ограничивается одним определением, а выстраивает их в ряд, по два, по три, по четыре...

Можем ли мы, ориентируясь на практики великого писателя и отчасти заимствуя его методу, выстроить свой ряд (ряды) *словечек*, выражающих определенное время, определенную эпоху? И если

³ Подорога В.А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. Т. 1. Н. Гоголь, Ф. Достоевский. М.: Культурная революция; Логос; Logos-altera, 2006. С. 67.

⁴ Там же. С. 64.

⁵ Там же. С. 68–69; Подорога В. Антропограммы. Опыт самкритики. М.: Логос, 2014. С. 29–45.

⁶ Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование. М.; Л.: Гос. изд-во художеств. лит-ры, 1934. С. 212.

это окажется задачей непосильной и неподъемной, возможно ли выстроить ряд адекватный какой-либо социальной или возрастной группе, существующей в рамках этой эпохи? Но так, чтоб он отразил некие потенции и реалии своего времени и языка своего времени?

Попробуем сделать это, во всяком случае, совершим попытку, заимствовав чисто технически гоголевскую матрицу репрезентации языка: реестр слов с объяснением их значения. Попытаемся собрать крошки, крупички языка, которым разговаривали школьники того времени, когда сам автор учился в школе, то есть примерно с 1957-го до 1967–68 гг. Если не великого, то весьма значимого десятилетия. Маркированного рядом событий, от XX съезда до ввода войск в Чехословакию, от первого спутника до гибели Комарова и Гагарина, от московского фестиваля молодежи и студентов до введения в СССР пятидневной рабочей недели. Именно при анализе речевых практик, существовавших в этих хронологических рамках, у автора появляется возможность опереться на личные воспоминания, почувствовать себя включенным наблюдателем языка.

Мы здесь отталкиваемся от заданного Гоголем понимания ценности «словечка», но при этом попытаемся выстроить ряды несколько иного рода. Гоголь, стремясь обогатить и сделать ярче свой язык, черпал в основном из местных диалектов, обращаясь прежде всего к языковой стихии родной ему Малороссии. Ряд, который выстраиваем мы, – это нечто, лишенное привкуса диалектизмов, это скорее аберрации языкового мейнстрима. Это нечто напоминающее жаргон, сленг, хотя в понятие сленга очевидно не укладываемое. За исключением некоторых элементов, имеющих отношение к конкретным специализированным практикам и занятиям, например, футболу или шахматам, которые вполне могут быть связаны с понятием сленга. Это скорее «социолект», язык некоего социального и возрастного слоя, так сказать, чуть «присленгованный». Возрастного – понятно почему, а социального – потому что речь идет все-таки о том, как говорили подростки в городе, причем, в большом городе.

Но идея ценности, даже сверхважности языковой формы, ощущение великолепия и значимости звучащего слова, значимости не очень зависящей от его смыслов и от содержания дискурса, – надеюсь, гоголевская. И она остается, как и стремление наблюдать язык, запоминать, воспроизводить и сравнивать.

2. Ряды Гоголя

Вот один из рядов, фигурирующих в записной книжке Гоголя 1842–1844 гг. под рубрикой «Слова по *Владимирской губернии*».

Бурун – множество чего-нибудь, хлеба, денег и прочего.

Бушма – толстый человек.

Бякнуть – сильно кого ударить о землю.

Бахилы – коты, чарыки, женская обувь.

Болобан – дурак, болван.

Верещить, верещать – сильно кричать.

Вверх тармашки полетел – полетел, перевернувшись несколько раз головою.

Взыряться – нечаянно попасть в воду, яму, тину.

Взварить да выварить – наказать, высечь кого.

Воскрица – малого роста ловкая, бойкая женщина.

Взрыват – резв, нетерпелив, вспыльчив.

Дерябить, дерябить – кричать необычным голосом, взреветь; *деряба* – плакса.

Збойлив – скромн в речах, некстати лишнего не скажет. Збойничать, збойничает.

Зариться – смотреть на что, глотая слюнку, с вожделеньем.

Истыл – умер, околел. *Истома* – томленье.

Испокон веку – издревле.

Костыч – пониток, кафтан.

Колотыркий, колотырка – промышленяющий подлостью, низостью, смут<ами>, сплетнями.

Кувирдышки полетел – то же, что вверх тармашки. Кувирдышки делать – кувиркаться для потехи. Кувердаться.

Кумекать – думать о чем, соображать, мекать.

Кут – заднее, последнее место в простой избе.

Кутник – место в куте, со всех сторон огороженное, с дверцами вроде ящика.

Капельный – маленький.

Койока – простак, глупый человек.

Кекнуть – пропасть, погибнуть.

Ладонь – гладкое, убитое место для молотыбы⁷.

Переводим дыхание, идём дальше. Почему-то здесь у Гоголя исчезает выделение объясняемых слов.

Ток – строенье над ладонью.

Латошиться – много хлопотать по-пустому.

Маклевать – плутовски что делать.

Морговать – отвращать от того, что дурного запаха или вкуса.

Мызгать – часто куды ходить с торопливостью.

Назырить – перелить через край.

Ошарашить – сильно кого ударить.

Прочапить – пролить.

Приосторожиться – приготовиться к отпору.

Пиголица – птица-луговка; малого роста женщина.

Привередлив – брезглив, разборчив.

Расхороший – хороший, красивый.

Растебай – растрепа. Растяп.

Свобышен – упрям.

Скосырь – без достоинств, но надменный человек.

Теребяка – затрещина: такую дал ему теребяку.

Терюх – несвязный, глупый человек.

Хайло – широкое горло. Распустить хайло – громко кричать и бранить.

Чапчунька – ничтожные, малозначащие вещицы и людишки.

Шибарта – презираемый человек, дрянь.

Я те в разбор-ат съезжу – в ухо тебя съезжу.

Шугай, *шушун* – верхнее женское платье, холодник.

Ожготить – ударить.

Отпулить – выговор сделать.

Ошпетить – обругать⁸.

От *наименований* людей – к именам. В свое время А. Белый блистательно выстроил ряды фамилий и имен-отчеств гоголевских персонажей. «Потребность бесконтрольно излиться звуковым посвистом буйствует эскадроном имен, отчеств, фамилий, названий местностей, деревень, которым Гоголь штурмует нас: фамилии, или вернее – *бред* Гоголя, – выпучены ужасом пошлости, или хлещут, как кастаньеты, гротеском; что главное: в них глумится тенденция отщепенца от рода над безличием родового чрева...»⁹.

А вот перечень лошадиных кличек был составлен уже самим Гоголем. Сначала идут названия кобыл (преобразуем, ради экономии места, гоголевскую колонку в строку): Прелестная, Лисичка, Роза, Наянка, Смирная, Злая, Тупоносая, Умильная, Галка, Лебедка, Постоянная, Львица, Красавица, Игрушка,

⁷ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14-и тт. Т. 9. Наброски. Конспекты. Планы. Записные книжки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 540.

⁸ Там же. С. 540–541.

⁹ Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование. М.; Л.: Гос. изд-во художеств. лит-ры, 1934. С. 215–216.

Фигурка, Молодка, Мурашка (от бел<ых> пятен в ноздрах и лбу), Краснощечка, Птичка, Струя, Арабка, Цыганка, Суета, Любезная.

Затем следуют названия жеребцов: Васька, Диктатор, Ворон, Соколенок, Фиц-Патрик, Красенький, Мужичок, Рулет, Свирепый, Бриллиант, Потешный, Цыган, Атласный, Юпитер¹⁰.

Эти словарные ряды переливаются в тексты произведений. Например, известный фрагмент описания посещения Чичиковым Ноздрева: «Вошедши на двор, увидели там всяких собак, и густопсовых, и чисто-псовых, всех возможных цветов и мастей: муругих, черных с подпалинами, полвопегих, муруго-пегих, красно-пегих, черноухих, сероухих... Тут были все клички, все повелительные наклонения: стреляй, обругай, порхай, пожар, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница» («Мертвые души»). Этим рядов – перечисления собачьих окрасов и мастей и собачьих же кличек – мы не находим в черновых заметках Гоголя; стало быть, все это хранилось в его памяти.

Кстати, эта систематика, это стремление выстраивать ряды проявляется и в отмеченном еще А. Белым стремлении Гоголя нагромождать глаголы: «откажусь, кину, брошу, сожгу, утоплю» («Тарас Бульба»); «бумагу пометили, записали, выставили номер, вшили, расписались... и положили» («Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»); «купивши картины, приносил... на них кидался, рвал, разрывал, изрезывал в куски и топтал ногами» («Портрет») и т.д.¹¹

Установлено, что в своих ранних произведениях Гоголь воспользовался многими из украинских имен, записанных в «Книге всякой всячины»¹². Заметим, что эти словарные ряды, эти колонки словечек отражают определенные сферы бытия, многие сферы бытия, но никак не все многообразие жизни. В язык Гоголя, как заметил еще А. Белый, влиты: высокопарная канцелярская слога, которую Гоголь имел время изучить и в Нежине, и в Петербурге, технические языки (кухонный, помещичий, лакейский, охотничий, картежный), язык мещан и

ремесленников¹³. Очень подробно – помещичье и крестьянское, как малороссийское, так и российское. Но мы не найдем здесь объяснения специальных словечек или терминологии или сленга из военной сферы или, например, терминов, отражающих труд и быт горнорабочих, и т. п.

3. «Тянуть», «водиться», «припухать»

Мы переходим к выстраиванию наших собственных словесных рядов, отражающих живую речь школяров с конца 50-х до конца 60-х гг. прошлого века, преимущественного из большого города. В литературе специфический способ молодежи излагать свои мысли и коммуницировать иногда именуется молодежным социолектом или социальным диалектом¹⁴. Так что в известном смысле нижеследующее – штрихи к молодежному, а точнее, подростковому социолекту 50–60-х годов XX века.

Бабочка – гол, пропущенный вследствие грубой вратарской ошибки. То же самое, что *пенка*.

Банка – гол, забитый во время игры в футбол. «*Банка!!*»¹⁵.

Бесподобно – несравненно, здорово, выше всяких похвал. В.В. Виноградов обращает внимание на то, что это словечко было осмеяно еще Новиковым в «Живописце» и использовалось Гоголем, в частности, в «Мертвых душах», для весьма иронической характеристики персонажей¹⁶.

Бздить – бояться, то же самое, что *перетрухать*, но бывшее в употреблении несколько позже и у ребят более старшего возраста. Отсюда *бздун* и знаменитый глагол с шестью согласными подряд *взбзднуть*¹⁷.

Быстроход – нечто, быстро двигающееся. Реальная или фантазийная машина для передвижения.

¹⁰ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14-и тт. Т. 9. Наброски. Конспекты. Планы. Записные книжки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 577.

¹¹ Белый А. Указ. соч. С. 203.

¹² См. Айзеншток И.Я., Назаревский А.А., Фридендер Г.М. Комментарии // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. 9. С. 656.

¹³ Белый А. Указ. соч. С. 212.

¹⁴ Анищенко О.А. Генезис и функционирование молодежного социолекта в русском языке национального периода. М.: Флинта; Наука, 2010.

¹⁵ Совсем недавно автор этой статьи узнал, что, оказывается, на сленге современных футбольных фанатов *банка* – это скамейка запасных игроков (см.: Анищенко О.А. Указ. соч. С. 188).

¹⁶ Виноградов В.В. Язык Гоголя // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 314.

¹⁷ Здесь невольно приходит в голову аналогия с гоголевскими *взбздыкаться* и *встыркаться*. Видимо, есть некая странная энергия в сочетании нескольких согласных, открываемых буквами «в» и «з»...

Ваще – обозначает выход неких фигурантов за грань разумного. «Ну вы ваще!».

Водиться – не в смысле дружить или общаться с кем-либо, а в значении «водить мяч»: «Не водись! Пасуйся!» Также как и *рытаться*, часть дворового футбольного сленга.

Вообразать – иметь и демонстрировать завышенную самооценку. *Вообразала, вообразуля*. Когда-то К.И. Чуковский поделился тем, каким неприятным сюрпризом стало для него и людей его поколения превращение переходных глаголов *вообразать* и *переживать* в непереходные¹⁸. Но в обозначенный нами период это было уже нормой.

Восьмерка – прием игры на гитаре.

В порядке. Или: «*В порядке!*» – в порядке.

Вратарь-гоняла – в дворовом футболе вратарь, который имел право играть, как полевой игрок, или, наоборот, полевой игрок, который имел право брать мяч руками, как вратарь. Позиция вратаря была малопопулярна, все хотели забивать голы, и роль вратаря-гонялы была своего рода компромиссом.

Взяться, окрыситься, оцетиниться – собраться, сосредоточиться. Слова из эпохи дачного волейбола: «Ну, все, мужики! *Взялись! Оцетинились!*...».

Гигант – большой виниловый диск, то, что США и Великобритании называли LP, то есть longplay. Позже такие пластинки стали именовать альбомами.

Гигантские шаги – очень простой и популярный аттракцион: столб, на верхушке которого закреплены толстые веревки, каждая из которых заканчивается петлей. Человек вдевает ногу в эту петлю, разбегается по кругу и летит на веревке вокруг столба. Во времена оны подобный столб имелся на многих детских площадках.

Джинсы – популярное словоупотребление слова «джинсы» с ударением на последний слог. Ср.: *Битлы* и *Битлы*.

Дополна – много, очень много, в избытке.

Железка – железная дорога.

Жировка – квитанция, по которой производится оплата квартиры, электричества и т.д.

Забить – то есть взять, побить во время игры шахматную фигуру: «*Забил!*», «*Забил коня*». Элемент шахматного сленга тех далеких лет.

Забояться – испугаться.

Задрать – одержать победу, например, в шахматах. «Сегодня задрал такого-то».

Законно – оценка чьих-нибудь действий как правильных, справедливых; позитивная оценка вообще. «*Законно!*».

Закругляться – заканчивать.

Запросто – легко.

Запулить – забросить далеко.

Заявочка – обо всех заслуживающих внимания начинаниях. «Во, заявочка!», «Ну и заявочка!», «Ни фига себе, заявочка!».

Зубрить, вызубрить – выучить, но выучить несколько механически, порой не понимая смысла выученного.

Зырить, позырить – смотреть, посмотреть.

Играть на перед – также часть дворового футбольного сленга. «*Давай на перед!*» «*Играй на перед!*».

Кайф, кайфовать (или кейфовать) – в те времена слово еще никак не было связано с употреблением наркотических веществ и обозначало лишь процесс получения удовольствия от чего-либо.

Коваться, подковать – больно ударить соперника по ногам во время игры в футбол. «*Он куется!*».

Кодла – компания, нередко хулиганистая или криминальная.

Котелка – котельная.

Ловить – крутить ручку настройки приемника в попытке *поймать* что-то.

Лопата, лопатой – термин из дворового хоккея. Ситуация, когда хоккеист бросал шайбу не вперед, а назад. Движение это напоминало движения человека, бросающего лопатой снег, отсюда, вероятно, и название.

Ляга – лягушка.

Мировой – замечательный, выдающийся, классный. Например, Тучкус и Микулец – *мировые* вратари. Также: «*Мирово!*». Словечко просочилось в кинематограф уже в наше время – вспомним знаменитую «Иронию судьбы»: «Я все приготовлю и уйду к приятельнице. Ведь я же *мировая* мама».

Мусорка – мусоровоз.

Надрохаться – натренироваться, наостриться. Словечко из середины 60-х.

На шарп – бросание чего-либо в толпу или в гущу людей с тем, чтобы это что-то досталось случайно, удачливому человеку. Возглас: «*На шарп!*». Можно сказать, что «букет невесты», вбрасывание которого в толпу гостей мы наблюдаем во многих американских фильмах, также бросается *на шарп*.

Недоразвитый – распространенная оценка знакомых и одноклассников, особенно любимая девочками.

¹⁸ Чуковский К.И. Живой как жизнь. Разговор о русском языке. М.: Молодая гвардия, 1963. С. 10–11.

Ножички – наверное, самая известная детская игра в описываемый период. Проще всего играть в нее в песочнице. Перочинный ножик кидают с руки из разных позиций. Ножик должен воткнуться в землю или в песок.

«*Нор-рмальная!*» – эквивалент «Нормально!»

Обломиться – достаться случайно, неожиданно.

Оглушить – оглушить.

«*Отзынь!*» – то же, что отвали, отойди, отстань.

Затрудняюсь обозначить инфинитив этого глагола, во времена, о которых идет речь, в ходу было только повелительное наклонение.

«*Отвали!*» – отойди, отстань, *отзынь*.

Паразитина-пупок – энергичный отзыв о неприятном человеке.

Паровоз – вереница взяток на мизере при игре в преферанс. В 60-е все, кому суждено было научиться играть в преферанс, начинали это делать в школьные годы.

Пасоваться – отдавать пас во время игры в футбол. «*Пасуйся!*», «*Он не пасуется!*».

Пенка – гол, пропущенный вследствие грубой вратарской ошибки. То же самое, что *бабочка*.

Перетрухать – струсить, испугаться. «Он *перетрухал*».

Пиздесят, с ударением на первом слоге – то же самое, что пятьдесят, но с некоторым демонстративным оттенком непристойности. В определенное время весьма модное словцо.

Пионербол – нелепая, статичная игра на волейбольной площадке, придуманная исключительно для советских детей.

Поджопник – пинок под зад, осуществляемый обычно ногой. Тут невольно вспоминается гоголевское «дал бабе *“киселя”*» (т.е. ногой под зад)¹⁹.

Поднимать, поднять – еще один термин из дворового хоккея. В хоккее играли чаще всего без коньков, забрасывая шайбу вместо ворот в деревянные ящики, которые в изобилии валялись на задворках продовольственных магазинов. Для того чтобы забросить шайбу в такой ящик, надо было ее *поднять*: нижняя доска была толщиной не менее 1–1,5 см, и пущенная низом, по льду, шайба в ящик не попадала. *Поднять* шайбу – это был особый навык, особое движение, которым надо было овладеть. Но в хоккейном сленге слово *поднять* имело и еще одно значение. Когда один из игроков бил сни-

зу клюшкой по клюшке соперника и уводил после этого шайбу, это называлось *поднять клюшку*.

Поймать – настроиться на нужную волну радиоприемника. Поймать можно было радиостанцию, музыку по радио, передачу. «*Поймал “Голос Америки”*». Это как *водиться*, не совсем то, что сразу приходит на ум. Словечко из 60-х, когда уже массово и без страха слушали так называемые «вражьи голоса».

Полька, скобка – прически, популярные у школьников. Садись в кресло парикмахера и говорили: «Под *польку*», «под *скобку*». «Под *польку*» стоило 15 копеек, «под *скобку*» – 40 копеек. А до *польки* носили чубчики.

Приемчики – «Я тебе покажу *приемчики*». Нечто из самого раннего детства.

Припухнуть – проиграть, опозориться.

Притаранить – принести, притащить.

Прогуливать – как ни странно, это вечное слово – тоже факт школьного жаргона, один из самых ранних школяризмов и одно из немногих словечек, сохранившихся в школьном жаргоне во все времена.

Ребя – обращение. Тогда говорили не *ребята*, а *ребя*.

Рыпаться, рыпнуться – броситься, прежде всего, броситься на мяч, Рыпались в конце 50-х прежде всего вратари дворовых футбольных команд. Это, в сущности, следует воспринимать как футбольный сленг. Но словечко *рыпаться* употреблялось и в переносном значении: пытаться, как правило, неосновательно: «Сиди и не *рыпайся!*».

Сажонки, плавать *сажонками*. Толковый словарь Ожегова определяет это как особый прием плавания – попеременно вытягивая и выбрасывая вперед то одну, то другую руку.

Сачок (сач) – ловкач, который уклоняется от работы или какого-нибудь дела, *сачкануть, просачковать*.

Свести (вничью) – сыграть вничью в шахматы. «Как сыграл? Выиграл?» – «*Свел вничью!*».

Светить – в школьном лексиконе конца 50-х – начала 60-х использовалось не в смысле освещать что-либо, а в значении неосторожно показать нижнее белье, трусики. Тогда ребята говорили девочке: «*Светишь!*».

Сговариваться – часть процедуры случайного деления игроков на команды перед началом игры. Двое сговариваются, присваивают себе некие условные наименования – «ты – слон, я – кит», а капитаны команд выбирают себе игроков, называя один из псевдонимов. «*Сговоримся?*».

¹⁹ Любопытно было узнать, что сегодня поджопник – это коврик для туриста, элемент туристического жаргона (см.: Анищенко О.А. Указ. соч. С. 191).

Словить – поймать, например, *словить* бабочку. Забавно, но последнее словосочетание использовалось и как часть футбольного сленга, со специфическим значением слова *бабочка*, так и в буквальном смысле, при ловле насекомых сачком.

Смехотура – нечто смешное. Возглас: «Смехотура!».

Смыться – сбежать.

Срезаться – сразиться. Предложение сыграть в шахматы могло звучать так: «В шахматинки *среземся?*».

Стыкнуться – схватиться. Как приглашение побороться, повозиться, потолкаться: «Стыкнемся?».

Схлопотать – получить что-то нежелательное или неприятное. «Схлопотать по шее».

Съедобное-несъедобное – детская игра.

Тама-а-а!! – возглас, которым встречали забитый гол.

Тачка – машина.

Точняк – Точно! Верно! Правильно!

Тырить, стырить, – своровать, украсть. Несколько более мягкая оценка осуждаемого действия, чем понятия *красть* и *украсть*.

Тянуть – приставать, провоцировать на конфликт или драку. *Тянучий* – тот, кто имеет обыкновение *тянуть*.

«У-я!» – возглас, обозначающий удивление, изумление, восхищение, даже возмущение, смотря по обстоятельствам.

Фикстулить – нечто близкое современному *выпендриваться*.

Фирма, с ударением на последний слог – фирменная, то есть производства известных иностранных фирм, одежда. Слово *бренд* тогда еще не было на слуху.

Форсить – щеголять, модничать, стараться выделиться какими-либо внешними атрибутами.

Хряпнуться – универсальное словечко, имеющее целый веер смыслов и значений. Некий синоним неудачного действия, неудачи.

Чур-чура – возглас играющего, предупреждающий о том, что он на некоторое время выключается из игры.

Чира (или *чира*) – черта. Проводилась на земле во время различных детских игр, требующих маркировки пространства.

Штандер – детская игра с мячом.

Юморной – словечко из 60-х: вызывающий смех, комичный.

Наконец, словечки, при помощи которых описывались интимные взаимоотношения мужчины и

женщины. В начале 60-х слово *заделал* употреблялось в том смысле, в каком сегодня употребляется слово *трахнул*. Чуть позже, но в те же 60-е для обозначения известного акта использовали не слово *трахнуть* и даже не словечко *заделать*, а грубоватое словосочетание *кинуть палку*. Впрочем, это весьма специальная тема.

4. «Кина не будет, кинщик спился»

Теперь – фразы и устойчивые словосочетания. Собственно, они в комментариях или пояснениях практически не нуждаются.

«*Всё в аккурате*» – всё в порядке, всё продумано, можно не беспокоиться.

«*Дареное не дарят, вареное не варят*».

«*За моргушки – по макушке*». Из тех же времен: замахнулся как будто для удара – визави моргнул – получи.

«*За боль отвечаю*».

«*Замнем для ясности*». Популярная в школярской среде фразочка.

«*Катись колбаской по Малой Спасской!*».

«*Кина не будет, кинщик спился*». Фраза была невероятно популярна у подростков, использовалась в самых разных ситуациях.

«*Кроме шуток*».

«*Матки-матки, чьи заплатки?*» – фраза из совсем раннего детства. Использовалась тогда, когда делились на две «команды» для игры, *сговаривались* (см. выше). Кроме того, так *сговаривались* перед игрой в футбол.

«*Не будь, чем щи наливают!*».

Перебить аппетит. Фраза: «*Перебьешь аппетит!*» – несомненное порождение именно эпохи конца 50-х – начала 60-х, когда в основном было забыто, что такое голод или недоедание, и страна (или подавляющая часть ее населения) стала есть досыта. Пусть не очень вкусно, не очень калорийно, с недостатком мяса и других белков, пусть иногда батон хлеба и бутылка кефира заменяли рабочему человеку обед, но уже досыта.

«*Пижон увидел шах*» или, если полностью: «*Пижон увидел шах – пижона шах пленил*». Нечто из оклошахматного звона во время игры блиц.

«*Пятачок не опускайте!*» – фраза, которая постоянно звучала в общественном транспорте в те времена, когда автобусы, троллейбусы и трамваи ходили без кондукторов.

«*Соси банан тропического леса*».

«Стоя! Стрелять буду!» – фразочка из фильма «Дело № 306» чрезвычайно популярная у самых младших ребят; произнося ее, надлежало держать в руках хотя бы палку, заменяющую автомат.

«Стыдно, у кого видно».

«Фигулю на рогулю».

«Что у него (нее) взять, кроме анализов».

«Я молчу!…» – фразочка школьных времен очень любимая почему-то девочками.

И рифмованный, стихотворный призыв:

«Не суй свой нос

В чужой вопрос».

Здесь мы плавно выходим на детские стишки. Однако популярные детские стишки и стихата приводить здесь мы не будем, учитывая то, что они собраны и изданы, причем, в довольно представительном (хотя и не исчерпывающем) варианте²⁰.

Впрочем, сделаем одно исключение, чрезвычайно ярко характеризующее эпоху:

«Берия, Берия

Вышел из доверия.

А товарищ Маленков

Надал ему пинков».

Эти стишки декламировали в конце 50-х даже дети младшего школьного возраста, и на это спокойно, без судорожного страха взирали их родители. Что, разумеется, невозможно было представить пятью-семью-десятью годами ранее.

5. «Техасы» и «мокасины»

Целый класс слов и словечек является обозначением характерных для эпохи артефактов; многих из них уже нет в обиходе. И, разумеется, эти обозначения ушедшего по праву занимают свое место в нашем словнике. Принципы дифференциации: что и почему попадает в раздел словечек («Тянуть», «водиться», «припухать»), а что в данный раздел. Если определяющим является новизна, свежесть, колорит слова – оно попадает в первую, лексикологическую, корзину. Если слово ничего особенно интересного с точки зрения языка в себе не содержит, и важен только предмет, артефакт, им обозначаемый, то оно фигурирует здесь, в этой корзине. Поэтому *сачок* как род ловкача и лентя – там, а *сачок* как орудие для ловли бабочек – здесь. И ровно поэтому же *паровик* – здесь, а *«паровоз»*, этот кошмар преферансистов, – там.

²⁰ См., напр.: Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М.: Ладомир; АСТ, 1998.

Автобус без кондуктора.

Бабетта, «я у мамы дурочка» – популярные женские прически.

Бисер – в то время бисером называли маленькие цветные плоские кружочки с отверстием посередине для нитки. В 50-е годы в моде были шитые бисером женские платья.

Болонья. Наиболее популярны были плащи «болонья». «Мои друзья хоть не в болонье, зато не тащат из семьи». *Батники* пришли значительно позже, в середине 70-х.

Боты «прощай молодость».

Бриллиантин для волос – большая редкость, в советских магазинах не продавался, использовался модниками, очевидно, прежде всего, *стилягами*.

Валенки. По крайней мере, до второй половины 50-х дети, даже в крупных городах, в Москве в том числе, выходили гулять зимой в валенках.

Вар в те времена использовался, чтобы положить на него паркет. Почему-то возле каждого строящегося дома на земле или на асфальте был разлит черный, густой вар.

Газировка – газированная вода, 3 копейки стакан с сиропом и 1 копейка – без сиропа.

Готовальня – принадлежность необходимая на уроках черчения.

Гриб, чайный гриб. В 50-е годы в огромном количестве квартир и комнат на подоконнике, в большой стеклянной банке, наполненной водой, плавал *гриб*. Некая биологическая, то есть живая субстанция. Смысл его пребывания там состоял в том, что народ пил воду, в которой плавал гриб; вода имела приятный и весьма специфический вкус.

Детские билеты на футбол, которые стоили 10 копеек.

Диван-кровать – техническая новация в области мебельного дела, ставшая чрезвычайно популярной в СССР в период обретения массой граждан отдельных квартир. Конструкция позволяла преобразовывать диван в кровать и обратно, то есть использовать ее как полифункциональный предмет.

Инвалидка, мотоциклетка. Двухместный трех- или четырехколесный автомобиль с мотоциклетным двигателем, выпускавшийся специально для инвалидов.

Калейдоскоп – детская игрушка, труба из папье-маше, где цветные стеклышки вращаются внутри зеркального восьмигранника, образуя симметричные фигуры.

Картуз – детский головной убор с козырьком, обычно желтого цвета в силу того, что сделан из соломки.

КВН-49 – вероятно, первый советский телевизор, выпущенный в массовую продажу, обычно стоял на тумбочке с круглой или прямоугольной линзой, наполненной дистиллированной водой, перед экраном. В какой-то момент являл собой знак престижного потребления, почти как автомобиль в позднесоветские времена.

Кеды китайские «Два мяча». Дешевые, чрезвычайно прочные и долговечные.

Керосинка – это, как разъясняет Википедия, бытовой нагревательный прибор для приготовления и разогревания пищи на открытом огне, работающий на керосине, по принципу действия аналогичному керосиновой лампе.

«Колпачки» – детская настольная игра. Эластичная пластмассовая катапульта с дыркой, куда острым концом вставлялся колпачок. И аналогичные отверстия на поле, куда он падал. Около каждого отверстия – цифра, обозначающая, сколько очков полагается за попадание в него. Считалось, что эта игра развивает умение считать.

Конфитюр – популярный пищевой продукт, дешевый джем, обычно в больших жестяных банках, болгарского производства.

Корочка с чесночком. Нечто из любимой в народе еды, наряду с жареной картошкой и т. д. Чеснок натирала на корку черного хлеба. Для этого она должна была быть достаточно грубой и шершавой. 60-е, а может, и 50-е годы.

Паук коси-ножка.

Крепдешин и *крепжоржет* – модные в 50-е годы материалы, из которых шили женские платья.

«Круглый год» – толстая картонная папка, в которой были всякие заготовки для рисования, склейки, вырезания, чтения. Так, можно было разрезать большой лист со страницами маленькой книжечки и, сшив по торцу нитками, получить миниатюрную книжицу величиной с игральную карту. Обычно дарился детям в преддверии Нового года.

Ксилофон, маленькая копия известно музыкального инструмента – детская игрушка.

«Кто первый» – настольная детская игра.

Липучка для мух в картонной капсуле.

Лифтерша, понятие и слово.

Логарифмическая линейка.

Макинтош – тогда, в 50-е, еще не компьютер, а плащ, обычно китайского производства.

Микропорка, ботинки на микропорке.

Мини-юбки.

Мокасины (мокасы) – остроносые мужские полуботинки.

Мороженное – 11 копеек эскимо, в шоколаде и на палочке, и 9 копеек – фруктовое, в бумажном стаканчике.

Непроливашка – чернильница, которую можно было носить с собой в портфеле. Часто их не носили каждый день из дома в школу и из школы домой, а составляли в шкаф в классе, и каждый ученик перед уроками вынимал свою.

Обратимая фотопленка ORWO, на которой снимали слайды, демонстрируемые затем через проектор на экран. Это уже ближе к концу 60-х.

Панама – головной убор, детский и взрослый. Панама, как правило, была белой. Эти детские панамки сохранились до наших дней.

Паровик – паровоз в те времена, когда железные дороги еще не были электрифицированы.

«Пионер» – магазин на ул. Горького, где продавалось все необходимое для детского технического творчества.

«Пионерка» – газета «Пионерская правда».

Пластилин – материал для лепки чрезвычайно популярный у детей в 50-е и, как мне кажется, в меньшей степени в 60-е годы.

Политический зачес – некий род прически. Версии того, что это такое, чрезвычайно различаются. В любом случае это что-то строгое, приличное и официальное.

Ранец – заплечный короб для учебников и тетрадей. Ранцы практически исчезли к началу 60-х. Считалось, что ранец исправляет осанку и препятствует появлению сутулости у школьников.

Сачок – приспособление для ловли бабочек, марлевый (обычно) мешок на круге из стальной проволоки на длинной деревянной палке.

Сифон – специальный сосуд для приготовления газированной воды. С какого-то момента газировку можно было не только пить на улице, у ларька, но и дома. Правда, необходимо было время от времени заряжать сифон, что было не очень удобно и стоило денег.

«Спидола» – один из первых советских транзисторных приемников и, вероятно, самый популярный из них.

«Старые» и «новые» деньги – следствие денежной реформы 1 января 1961 г.

Стиляги, конечно. И вся языковая аура, связанная с этой субкультурой: *Бродвей* или *Брод* (ул. Горького), *штатники*, ботинки на *манной каше*, галсту-

ки «пожар в джунглях»...Но, словечки, связанные с определенными субкультурами, – это особая тема. Здесь мы пытаемся найти дополнительные штрихи к характеристике языка, так сказать, общегражданского, универсального, *языка-для-всех*.

Судки – набор кастрюль, которые ставятся одна на другую и по бокам закрепляются металлическими направляющими с ручкой. С такими судками в 50–60-е годы дачники, прикрепленные к столовым серьезным официальным организациям, ходили за обедом.

СЮП – Стадион юных пионеров.

Танкетки – род женских босоножек, легкая женская обувь на подошве, утолщающейся от носка к пятке.

Техасы – джинсы, обычно нефирменные. Словечко из 60-х.

Торшер – напольный (как правило) осветительный прибор, позволяющий осветить некоторую зону жилого пространства. Альтернатива как верхнему освещению комнаты при помощи лампы под абажуром или люстры, так и рабочему освещению стола, для чего использовалась, как правило, настольная лампа.

Фикус, китайская роза – распространенные в 50–60-е годы комнатные растения.

Фильмы «до 16 лет».

Циркуль «козья ножка».

Чеканка – картины, выполненные по тонкому металлическому листу. Стремительно вошли в моду где-то на рубеже 50–60-х, также на волне массового переезда в отдельные квартиры.

Эстамп – еще одна новая принадлежность интерьера, рожденная сменой эпох и перемещением населения в собственные квартиры. Произведение искусства, отпечатанное с авторского оригинала сравнительно небольшим тиражом.

Юла – детская игрушка.

Наконец, были типичные для эпохи вещи, имеющие характерный облик, но не имеющие своего названия. Например, кустарные шкатулки из ракушек, привозимые с юга. Или одеколон в стеклянном флаконе, имеющем форму грозди винограда. Кажется, недорогой, 90 копеек или что-то вроде этого. Но это уже артефакты в чистом виде, для обозначения которых язык не создал соответствующих *словечек*.

* * *

«Словечки» 50–60-х хороши сами по себе. Выразительны, имеют ощутимую звуковую ауру. Их можно повторять, их можно смаковать. При этом они, в

совокупности, «на круг», отражают некую новую атмосферу в обществе. Они не давят, они легкие.

Эта атмосфера складывается из множества частных, конкретных, локальных ситуаций. И.Т. Касавин отметил некоторые важные особенности языка повседневной жизни, быденного языка. «Повседневность, будучи по видимости общезначимой, в сущности всегда представляет собой нечто частное, локальное, специфическое, определяемое ситуацией, – констатирует он. – Поэтому быденный язык характеризуют прежде всего “ситуационные выражения”. В этих выражениях индивидуальные, привязанные к конкретной ситуации значения слов доминируют над общезначимыми и интерсубъективными; содержание высказывания ставится в зависимость от некоторой ситуации, оно выражает собой “погруженность в ситуацию”, часто характеризуется связью с воспоминаниями о совместной жизни, непонятными непосвященным»²¹. В контексте нашего исследования, когда речь идет не просто об быденном языке, но о своего рода «социальных диалектах», приправленных жаргонизмами, это проявляется весьма рельефно. Ситуационность нередко имеет оттенок специальный и, в самом расширительном смысле этого слова, профессиональный. Возникает масса слов и выражений, выросших из конкретных, но весьма специализированных практик, от перипетий дворового футбола до разнообразных преломлений школьной повседневности. В известной мере слова и словечки, выплывающие из этих ситуаций, могут быть отнесены к профессиональному сленгу.

Н.В. Гоголь в свое время чрезвычайно интересовался особенностями профессиональной речи. Анненков вспоминал, что писатель, «постоянно и упорно удаляясь от умников, имеющих готовые определения на всякий предмет, постоянно и упорно смеялся над ними и, наоборот, мог проводить целые часы с любым конным заводчиком, с фабрикантом, с мастеровым, излагающим глубочайшие тонкости игры в бабки, со всяким специальным человеком, который далее своей специальности и ничего не знает»²². Естественно, во времена Гоголя не было футбола или хоккея, но существовали азартные, пропитанные духом соревновательности занятия вроде той же игры в бабки (которые англичане,

²¹ Касавин И.Т. Язык повседневности: между логикой и феноменологией // Вопросы философии. 2003. № 5. С. 28.

²² Анненков П.В. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. С. 62–63.

кстати, объединяли и объединяют собирательным понятием sports).

Какие-то обязывающие и категоричные выводы из анализа приведенных выше языковых рядов делать не имеет смысла. Язык этот, как уже было сказано, ситуационен и слишком опосредованно связан с «большими проблемами» общества, и если что-то отражает, какие-то изменения, трансформации, то весьма и весьма косвенно. Разумеется, если речь идет о естественном, обыденном языке, не о политическом лексиконе. Политический лексикон отражает интересубъективную, выходящую за ситуационные рамки реальность и ее изменения прямо и непосредственно. Еще в большей степени отражает реальность пласт политических анекдотов, этот весьма специфический социальный и языковой феномен. А в эпоху Хрущева, как и в начале эпохи Брежнева (прочее выходит за хронологические рамки нашего исследования) анекдотов об этих политических лидерах существовало великое множество.

Понятно, что «язык словечек» содержит некие социокультурные коды и выполняет определен-

ные коммуникативные и адаптивные функции (не говоря уже многих иных²³). Свой узнает своего по языку, по речевым практикам. Язык – это фиксация принадлежности к группе, среде, субкультуре. Для подростка это особенно важно. Интегрироваться в среду, быть признанным, равным, одним из многих, не изгоем и не одиночкой. Поэтому *словечки* интенсивно осваиваются и активно употребляются.

Едва ли наши словесные ряды пригодятся писателям, нашим современным Гоголям. Но, возможно, они окажутся бесполезными для филологов, историков, этнографов, наконец, для философов, занимающихся повседневностью в самых различных ее аспектах и преломлениях.

Уже несколько «волн» молодёжного социально-группового диалекта или, если хотите, социолекта прилили и откатились после окончания того не великого, но значимого десятилетия; словечки из 50–60-х уже не формируют язык, а если и сохранились в нем, если выжили, то существуют где-то на периферии словоупотребления, как рудименты. Но без них нет эпохи, а без той эпохи нет нашей истории.

Список литературы:

1. Анищенко О.А. Генезис и функционирование молодежного социолекта в русском языке национального периода. М.: Флинта; Наука, 2010.
2. Анненков П.В. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928.
3. Бахтина М.Б. Эмотивно-оценочная картина мира современной молодежи (на материале жаргонной лексики конца XX – начала XXI вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2011.
4. Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование. М.; Л.: Гос. изд-во художеств. лит-ры, 1934.
5. Виноградов В.В. Язык Гоголя // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
6. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14-и тт. Т. 9. Наброски. Конспекты. Планы. Записные книжки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
7. Касавин И.Т. Язык повседневности: между логикой и феноменологией // Вопросы философии. 2003. № 5.
8. Подорога В. Антропограммы. Опыт самокритики. М.: Логос, 2014.
9. Подорога В.А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. Т. 1. Н. Гоголь, Ф. Достоевский. М.: Культурная революция; Логос; Logos-altera, 2006.
10. Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М.: Ладомир; АСТ, 1998.
11. Чуковский К.И. Живой как жизнь. Разговор о русском языке. М.: Молодая гвардия, 1963.

References (transliteration):

1. Anishchenko O.A. Genezis i funkcionirovanie molodezhnogo sotsiolekta v russskom yazyke natsional'nogo perioda. M.: Flinta; Nauka, 2010.
2. Annenkov P.V. Literaturnye vospominaniya. L.: Academia, 1928.
3. Bakhtina M.B. Emotivno-otsenoch'naya kartina mira sovremennoi molodezhi (na materiale zhargonnoi leksiki kontsa XX – nachala XXI vv.): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Abakan, 2011.
4. Belyi A. Masterstvo Gogolya. Issledovanie. M.; L.: Gos. izd-vo khudozhestv. lit-ry, 1934.

²³ Специалисты идентифицировали 22 функции молодежного жаргона (см.: Бахтина М.Б. Эмотивно-оценочная картина мира современной молодежи (на материале жаргонной лексики конца XX – начала XXI вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2011. С. 12).

5. Vinogradov V.V. Yazyk Gogolya // N.V. Gogol'. Materialy i issledovaniya. T. 2. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1936.
6. Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenii: V 14-i tt. T. 9. Nabroski. Konspekty. Plany. Zapisnye knizhki. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952.
7. Kasavin I.T. Yazyk povsednevnosti: mezhd u logikoi i fenomenologii // Voprosy filosofii. 2003. № 5.
8. Podoroga V. Antropogrammy. Opyt samokritiki. M.: Logos, 2014.
9. Podoroga V.A. Mimesis. Materialy po analiticheskoi antropologii literatury. T. 1. N. Gogol', F. Dostoevskii. M.: Kul'turnaya revolyutsiya; Logos; Logos-altera, 2006.
10. Russkii shkol'nyi fol'klor. Ot «vyzyvaniy» Pikovoi damy do semeinykh rasskazov. M.: Ladomir; AST, 1998.
11. Chukovskii K.I. Zhivoi kak zhizn'. Razgovor o russkom yazyke. M.: Molodaya gvardiya, 1963.